

ный» снимок, подобный манхэттенскому или гонконгскому, в Токио практически невозможно: мне, во всяком случае, не удалось никак. В связи с чем я и понял, что искать разгадку японского взлета надо не в небоскребах, развязках и скоростных поездах, а в заполняющих улицы людьми. И впрямь: стоит к ним приглядеться, кажется, начинаешь понимать, как и по чему это все у Японии пошло: с одной стороны — полная поглощенность работой, делом, заметная и в одежде (черный костюм, белая рубашка на подавляющем большинстве молодых и чуть постарше людей), и в сосредоточенности на лицах. С другой — удивительная внутренняя свобода, проявляющаяся и в десятках вольно отдыхающих на травке, возле императорского дворца субботних людей, и в независимых стареньких пенсионерах, отработавших свое, и, наконец, (а может быть, в первую очередь), — в гражданах без определенных занятий и даже, возможно, мест жительства. Потому-то я так много снимал людей, самых разных, и

для меня они лучший портрет Японии (во всяком случае — Токио), чем переплетения контактных проводов над станциями внутригородской железной дороги.

За своеобразием же приходится отправляться в провинцию: за несколько дней в Токио я только однажды встретил (вечером) двух средних лет женщин, одетых в юката (бытовой вариант кимоно), остальных — только в туристических рестораниках. Даже в совсем «национальном» (на самом деле, конечно, супер-туристическом) ресторанчике, расположившемся прямо у подножия знаменитой токийской телевизионной вышки, намеренно смахивающей на Эйфелеву башню, обсаженном кривыми сосенками, окруженном прудами с огромными «золотыми» рыбами и красными декоративными мостиками через, — так вот даже там весь персонал, от официантов до музыкантов и так называемых гейш, более всего напоминает участников фольклорного ансамбля как угодно хорошего, выездного, дворца культуры. «Так назы-